

ГЛАВА 1

СОР ИЗ ИЗБЫ

Горячая каша медленно стекала по стенкам желудка, укладывалась ровными слоями и готовилась к плавному переходу в двенадцатиперстную кишку — в отдельном батальоне закончился завтрак.

Простаков вышел на улицу, оглядел свысока своих подданных и пригласил отдельный взвод химзащиты построиться, дабы последовать на утренний развод. Приглашение сопровождалось легкими ударами огромного кулака в бок, не слишком громким матом и выдерживанием изо рта недокуренных сигареток.

Сегодня им ничего необычного услышать на разводе не удалось. Как и запланировано, весь взвод отправляется на занятия по теоретической подготовке. Рассевшись в кубрике на табуретки и прислонив головы к койкам или же уткнувшись в собственные ладони, бойцы приготовились добросовестно спать в сидячем положении в течение двух с половиной часов.

Ведущий занятия лейтенант Мудрецкий также был склонен раскрыть перед собой один из учебников химических войск и ткнуть в него лбом, потому как со вчерашнего вечера остались не только воспоминания, но еще и плохое самочувствие вследствие невероятного количества выжранного спиртного.

Через час тихого дрема младший сержант Простаков, почесав огромный затылок пальцами размером с

сосиску, ткнул в бок своего мелкого кореша Валетова и поделился с ним скучностью проходящего мероприятия. Сидящий за «давидом» и «голиафом» механик-водитель ефрейтор Резинкин увидел, как перед ним колыхается огромная туша, и поспешил ее успокоить, хлопая по спине:

— Спать, Леха, спать. Еще даже не полдень, давай спать.

Младший сержант обернулся на окошко и увидел там лучики летнего июльского солнышка.

— Лето, — протянул Леха. — А у нас в Сибири сейчас комаров полно. Слышь, Фрол?

Простаков одним пальцем потыкал меж ребер Валетова, тот только отмахнулся во сне.

— Ой, что-то скучно мне. — Здоровый парнище глядел на сослуживцев. Все без исключения спали, кубрик напоминал поле битвы с полеглими на нем бойцами. Мудрецкий не отставал от подчиненных. Простакову хотелось развлечений. После завтрака уровень глюкозы в крови повысился, и требовалось куда-то деть накопившуюся энергию, а между тем по плану занятия должны были идти еще полтора часа — он не вынесет! А-а-а!!! Леха снова было попытался разбудить Фрола, но тот ни в какую.

Мыслишка, пришедшая младшему сержанту на ум, не могла понравиться Валетову изначально, но кто же его будет спрашивать, раз он так сладко спит?

Простаков встал, осторожно поднял с табурета Фрола и на руках понес его в сортир. Проходя мимо своих товарищей, Леха пытался никого не задеть болтающимися в воздухе сапогами Валетова. Он аккуратно обогнул всех спящих, и оставалось только пронести тело между косяком и головой лейтенанта Мудрецкого. У Лехи получилось почти все, оценку за артистичность

он заработал бы «6.0», если бы не досадный момент: каблук сапога проехался по свободному от кепки темечку лейтенанта. Леха по-быстренькому исчез в коридоре, а Мудрецкий резко поднял голову и оглядел личный состав:

— Что такое? — И снова долбанулся лбом о раскрытую книгу.

Притопав в туалет, Леха поставил спящего Валетова на подоконник аккуратно перед открытым окном — плохо только, что этаж в казарме первый. Фрол стоял и спал. Ему снилось, будто он неожиданно, вместо того чтобы залезть на маленькую, ладненькую девчоночку, плюнул на нее и начал подниматься по лестнице, ведущей на вышку бассейна. И самое неприятное — ему предстояло с этой вышки прыгнуть. Вот он забирается все выше, подходит к самому краю и смотрит вниз с десятиметровой высоты.

Не, он не будет, он не сможет! Да на фиг это надо, лучше проснуться! Нет, проснуться, однозначно проснуться!

И в этот момент Простаков, сволочь, орет Валетову прямо в ухо:

— А-а-а!

Фрол вздрагивает, просыпается и одновременно падает с вышки вниз, сила тяжести тянет его с подоконника первого этажа... Но крепкая рука поднимает его вверх и держит на весу в воздухе. Он болтает ногами, не в силах понять, что же случилось, — яркое солнце бьет ему в заспанные глаза. Он понимает, что не упал ни с койки, ни со стула, но в то же время потерял под собой всякую опору.

— А! Суки! А! Охерели все, гады ползучие! — орет Фрол, не понимая, откуда в казарме зелень на деревьях и вид их медсанчасти вместо потолка. Наконец он сообщ-

ражает, что над ним издевается здоровый его приятель, поворачивает голову, несмотря на то что его держат за шкуру, как щенка, и требует, чтобы его обратно втащили в окно и позволили пойти отлить, иначе сейчас он замараает собственные штаны и оросит внутренним миром казенные окрестности, включая младшего сержанта.

Простаков затащил мелкого обратно в туалет, прислонился к стене и стал ржать как ненормальный. Валетов, злой и перепуганный, доведенный до состояния кипения, не принимая в расчет ни собственную массу, которая раза в три меньше, ни возможную силу удара, наклонил башку вперед и, словно козел, разбежался и со всего маху боднул Леху в живот. От неожиданности Простаков охнул и согнулся пополам, а Валетов отошел в сторону и залыбился. Не упуская возможности двинуть ему еще раз, тем более здоровый в кои-то веки подставил свой затылок, Фрол пошарил глазами по полупустому сортиру и не смог найти ничего тяжелого, для того чтобы огреть детину, дабы тот запомнил раз и навсегда, что над маленькими издеваться нехорошо.

Леха продолжал стоять, согнувшись и обняв живот, но Фрол уже злорадно подумал, что заставил-таки гиганта испытать боль. А тот возьми да и хи-хи, хи-хи, хи-хи, хи-хи! Разогнулся и снова продолжил свое ржание, по-детски показывая пальцем на мелкого.

Фрол в ярости вылетел из туалета, а Леха снова прислонился к стене и продолжил реготать в одиночку. Он хохотал так, что от наслаждения закрыл глаза. Кто-то вошел в туалет, но ему на это было наплевать — он испытывал кайф от проделанного. И когда в следующее мгновение что-то вновь ударило ему в живот, он почувствовал офигительнейшую боль. На этот раз Леха согнулся пополам. Его глаза не то что резко открылись, они выставлялись вперед, как у сваренного рака. Стоящий со

шваброй в руке Валетов, как видно, ткнувший его торцом черенка, перехватил покинутую Леху улыбку и с наслаждением глядел на муки гиганта. Тот был не в силах броситься на Фрола и придушить его, так как боль в животе заставляла сгибаться снова и снова. Валетов опять увидел здоровый, массивный затылок.

«Да чего ему будет-то?!» — мелькнуло в башке Фрола, и он с радостью опустил черенок швабры на голову Простакова. Послышался треск. У Валетова от страха подогнулись колени — неужели череп проломил? В следующее мгновение полшвабры отлетело в угол сортира, а оглушенный Простаков растянулся на сыром и грязноватом кафельном полу.

* * *

В то время как перепуганный Валетов прыскал в лицо водой отключившемуся в сортире Лехе, командир отдельного мотострелкового батальона подполковник Стойлохряков сидел в своем собственном кабинете, разложив на столе карту окрестностей, и внимательно выслушивал по телефону указания генерал-лейтенанта из Самары. Из штаба округа сообщали пренеприятнейшее известие: меньше чем через месяц по плану состоится приезд гостей из стран, некогда считавшихся у нас вероятными противниками. Блок НАТО на самарских просторах будут представлять, по данным округа, французы, англичане и немцы.

«Данный визит — шаг скорее политический, нежели профессиональный, так как участвовать в учениях будут четыре взвода, каждый представляет соответственно одну страну, а командует всем этим... — Стойлохряков подумал о слове «сброд», но решил себя поправить и согласился с определением «ансамбль», — некий аме-

риканский полковник Тод Мартин от НАТО, а принимающую сторону в поле возглавляет подполковник Стойлохряков.

Генерал-лейтенант Лычко больше никакой информации сообщить не мог, но гарантировал на сто процентов, что взвод с российской стороны подполковник должен суметь укомплектовать из собственных людей.

— Да вы что?! Извините, товарищ генерал, сорвалось. У меня ведь одни дебилы! Опозоримся ведь.

— Так по всей России, — не поддержал комбата высокий чин. — Я хотел сказать, что лучше вашего батальона мне не найти. Тем более что все решено наверху.

— А чем заниматься будут? — Стойлохряков поглядел тоскливо на опустевшую примерно с полчаса назад чашку. Когда-то там был крепкий чай.

— Учения какие-то, — буркнул Лычко. — Пока не могу тебе ничего сообщить, так что готовь универсальную команду. Вместе с натовцами приедут члены из Москвы, вот они все и определяют. А если мне что-то станет известно, то я тебе сообщу в обязательном порядке, но вряд ли раньше, чем за неделю, появится какая-либо определенная информация.

— Да как же так? Мы же принимающая сторона, мы что, определиться с программой не можем?! — возмущился комбат.

— В Москве что-то мудят, откуда я знаю, — огрызнулся Лычко. — Ты давай вот конкретным вопросом занимайся, чтобы там у тебя на территории все было чики-чики! Чистота. Порядок. Срач убирай.

— Мы это дерьмо не устраивали, пусть летуны разгребают!

— У летунов программа плотная. И как ты себе представляешь их копающимися в дерьме?

— Так, значит, пехотинцев, в дерьме копающихся, можно представить?

— Ты давай не выступай! — Лычко повысил голос. — Ты всего-навсего кто? Комбат. Вот и оставайся комбатом и не лезь своим рылом в фарфоровые миски. Метафора. Я сегодня в ударе. — Генерал-лейтенант повесил трубку, а Стойлохряков подошел и посмотрел на плац, где проходили запланированные занятия.

* * *

— До-о-о-о, — протянул Валетов и пощелкал в воздухе пальцами, — Резина, тебе не кажется, что что-то не то?

Маленький Фрол заложил руки за спину и прошагивал по кубрику от двери до окна и обратно.

— До-о-о-о, — снова протянул он. — Чего-то не хватает, как-то мелодия не идет.

— Да, — соглашался Резинкин, — не катит.

— Мне не нравится, — пробурчал Простаков, сидя на койке с головой, обмотанной мокрым полотенцем. — Валетов, ты придурок, ты мне чуть башку не проломил.

— Да ты не сердись, — суетился мелкий, пытаясь хоть каким-либо образом поднять настроение обидевшемуся Лехе.

— Я ведь над тобой просто приколотся, а ты вот мне дубьем по голове! — продолжал бурчать Леха.

— Да ладно, сейчас смотри как весело будет! До-о-о-о, — снова протянул Валетов, подбежал и пнул сапогом в бок стоящего в упоре лежа Ларева, — давай говори мне: «До-о-о-о»!

Фрол поставил сапог между лопаток бойца и надавил вниз, после чего тот шлепнулся мордой об пол. Присутствующие и не участвующие в шоу заржали.

Семеро молодых были поставлены в упор лежа, причем все сделано было по науке: первым, отвечающим за ноту «до», стоит самый крупный боец, за ним идет помельче, потом еще мельче и еще мельче.

— Ре-е-е-е, — пропел Валетов и точно так же поставил сапог между лопаток Саше Кисломому, и тот следом за Ларевым брыкнулся в пол. — Во! Понимаешь, музыка! Леха, музыка!

Леха продолжал раскачивать башкой:

— А чего это их семеро?

Валетов подошел.

— Ну как же ты не знаешь, нот-то семь! Для того чтобы какую-нибудь мелодию сбацать, надо семь нот.

— Всего семь? А-а, ну да. Давай мелодию.

— Так, товарищи бойцы, запоминаем, — «дирижер» прохаживался перед «оркестром», — все в упоре лежа. Кислый отжал мехи наверх, Ларев поднялся...

Утопанные вниз бойцы вновь обозначили готовность к воспроизведению музыки для обиженного товарища младшего сержанта Простакова. Валетов зачитал программу:

— Ми-ми-до-фа-ре-ми. Запомнили, уроды? Поехали!

И началась музыка! Боец, обозначавший нужную ноту, после хлопка «дирижера» сгibal локти и целовал пол с необходимой и требуемой Валетовым интонацией. После чего по казарме разносилась мелодия, состоящая из разрывающихся с начищенным полом засосов:

— Мня, мня, мня-мня.

Валетов ходил недовольный:

— Фа! Ну ты чего отстаешь! Из темпа выбиваешься, надо интенсивней локти сгибать! И чмок, чмок звонче! Я ничего не слышу, а товарищ младший сержант, он вообще как не в театре находится! В чем дело, я не пони-

маю? Поехали еще раз. Ми-ми-до, фа-ре-ми, ля-фа-соль, соль-ля-си. Что здесь непонятного?

Бойцы сгибали локти и звонко целовали пол, что не могло не доставить удовольствия самому «дирижеру». Он повернулся и озабоченно поглядел на основного зрителя, для которого и было в быстром темпе организовано это представление.

— Ну как? — выжидающе спросил Валетов, представляя, как за обедом, очень даже возможно, его моська по самые уши войдет или в горячие щи, или кашу в том случае, если ему не удастся в первую половину дня задобрить младшего сержанта. Он тоже слегка пошутит. Но тогда над Валетовым будут ржать все, а сейчас еще не поздно попытаться загладить собственную вину.

Стоящий на входе билетер очень поздно подал команду «шухер», и застроенные в упоре лежа семь «нот» не успели подняться и принять безучастный вид. На пороге появился Мудрецкий.

— Что, занятия по физкультуре? — Юра ввалился в кубрик. — Простаков, что с башкой?

Спустя год службы Юра уже был не тем Юрой, который приехал в Чернодырье отбывать два года повинности в звании лейтенанта. Время даром не прошло и для него, и сейчас он спокойно мог разговаривать на солдатском и всем понятном языке. На вопрос Леха не ответил. Мудрецкий заулыбался:

— Сам себе минет делал — коленями башку прищемил, да? Свело судорогой?

Ржали все. Леха лупал глазами:

— Товарищ лейтенант, чего это такое?

— Секс это, — огорченный тем, что шутка не могла дойти до широких масс по причине полнейшего незнания ими спецтерминов, пробурчал лейтенант, подцепил ближайший к нему табурет и уселся на него. — В общем

так, бойцы, готовьтесь в поход, я только что от Стойлохрякова. Резинкин, бегом в парк за «шишигой»! Сейчас нам дадут сопровождающего и поедем на место.

— Опять работа? — догадался Валетов и, пребывая в дикой огорчительности, с разбегу плюхнулся в койку. Пружины жалобно скрипнули, передавая мрачное настроение и остальным бойцам.

Мудрецкий честно признался в том, что ничего толком не знает, хотя честность его была некристальной. Он знал от комбата о предстоящей возне в грязи. Сопровождающим оказался какой-то капитан в летной форме. Синий цвет настолько контрастировал с пехотными комками, что не обращать внимания на летуна было просто невозможно. На него пялились не только построенные в две шеренги химики, но и все, кто проходил мимо плаца.

Как выяснилось из скупой речи капитана, им предстояло проехать примерно с час, прежде чем они придут на место. Обычно товарищам солдатам такого и не говорили, сажали в кузов — и вперед. Скажут вылазь — вылезут, скажут не вылазь — не вылезут. А здесь даже время обозначили. Сразу чувствуется, войска интеллигентные, все образованные, видать. Что ни говори — авиация! Ему еще осталось только координаты назвать.

«Шишига» добросовестно выполнила свою работу, ни разу нигде не заглохнув, а если бы такое случилось, то Мудрецкому пришлось бы взять в руки клизму и обратиться с ней на пару к некоторым частям тела ефрейтора Резинкина, и химвзвод все одно прибыл бы на место. Когда люди вылезли из кузова, их лица наполнились великой скорбью.

Примерно в двух километрах от точки выброски были видны стоящие рядом «вертушки» на аэродроме, а под ногами у бойцов была земля, пропитанная отрабо-

танними маслами и керосином, которые суки вертолетчики в течение многих лет сбрасывали в яму. Вскоре образовалось озеро, и до сих пор не понятно, как сюда еще добрый человек не бросил горящую спичку.

— Ну вот, — летун показал объект.

— Ага, — согласился Мудрецкий, — думаю, что курить тут небезопасно.

— Целиком и полностью согласен, — капитан расплылся в улыбке. — Ну что, я могу идти? По дороге все рассказал.

— Да. — Мудрецкий пожал руку, и капитан направился пешочком к аэродрому по накатанной проселочной дороге. Как видно, яму регулярно посещали машины вертолетного полка и продолжали сливать сюда отходы.

— И что нам делать? — Резинкин подошел по чавкающей под кирзовыми сапогами почве к краю горячего «озера», если так можно называть естественно образовавшуюся впадину, принудительно заполненную отходами нефтяной промышленности. Лужа по площади была не больше баскетбольной площадки, но никто не знал, где у нее дно.

— Отойди от края! — Мудрецкий вернул Резинкина к машине.

— Ну и вонища, — брезгливо бросил Фрол и сморщил нос.

Лейтенант оглядел солдат, стоящих в офигевших позах и разглядывающих то, что им предстояло, судя по приказу Стойлохрякова, уничтожить. За четыре недели химики должны были кровь из носа ликвидировать грязь в районе вертолетного аэродрома. При этом на месте нынешнего нефтяного озерца, содержимое которого частенько гадило местную речушку благодаря идущим дождям, должны были быть разбиты чуть ли не клумбы с розами. Во всяком случае, нагрянувшие в гос-

ти «бывшие враги» не должны иметь ни единого шанса догадаться о наличии в окрестностях части экологической каки. А отбросы, вот они, прямо перед глазами, переливаются всеми цветами радуги, да еще и воняют!

После минутного стояния, несмотря на гулявший ветерок и изредка приносивший свежий воздух, Юра почувствовал, как у него начала кружиться голова. То же самое явно происходило и с остальными. Заставив людей погрузиться в кузов, Мудрецкий велел Резинкину отъехать от лужи на километр, после чего построил личный состав.

Возмущению народа не было предела. Лейтенанту кричали из строя в нарушение всех воинских уставов:

— Как же так, что же мы будем ладонями, что ли, черпать?

— Куда это все уносить?

— Что, на месте поджечь? — Реплики неслись одна за другой.

— Смирно! — рявкнул Мудрецкий, сам еще плохо себе представляя, каким же образом ликвидировать объемный срач, оставшийся еще с застойных времен, возраст которого исчислялся явно не одним десятком лет.

— Хорошо, хоть тут не воняет, да? — Лейтенант кисло улыбнулся и, поглядев на часы, прикинул, что если они задержатся здесь больше чем на час, то прозевают обед, а это никак невозможно. Вывод напрашивался следующий: немного отдохнуть и обратно. Людей кормить, самому похавать.

Что-то больно быстро хочет комбат порядок-то навести. Юра разрешил народу рассестись в тенечке растущих неподалеку посадок, а сам пошел в кабину, выгнал оттуда Резинкина и завалился спать, повесив наблюдение за диким личным составом на младшего сержанта Простакова.

* * *

Проснулся лейтенант от того, что его куда-то тащили за ногу. Окончательно он в себя пришел, когда огромные мощные руки выдернули его из кабины и поставили перед собой.

— Доброе утро еще раз, — ехидно поздоровался подполковник, разглядывая лицо лейтенанта.

— Виноват, товарищ подполковник, что-то сморило немного.

Комбат не стал слушать объяснения и буркнул:

— Пошли.

Стойлохряков выехал в поле не на персональном ковре-самолете и не на «уазике», он приехал на «ЗИЛе», к которому была прицеплена полевая кухня.

— Загляни в кузов, — приказал комбат. Мудрецкий заглянул. Внутри лежали палатки и запас харчей. — Целый месяц тут будешь жить, — обрадовал подполковник. — Тебе задача — разобраться с озером. Люди должны работать в противогазах, иначе вы тут с ума посходите от вони. Противогазы новые.

— А как работать-то? — не понимал Мудрецкий.

— Завтра все узнаешь. Сегодня приеду в восемь часов, наблюдаю разбитый лагерь. Вопросы есть?

Какие могли быть вопросы? Никаких вопросов у лейтенанта не было.

* * *

День выдался теплым, а ночь оказалась немного прохладной. Валетов, зажатый с одной стороны Простаковым, а с другой — Резинкиным, был повернут и положен на один бок так плотно, что и не повернуться. А внутри палатки какая-то сволочь летала возле уха и постоянно норовила укусить нежного Валетова в щечку.

Фрол уже был готов дать твари напиться крови и настраивал себя морально на то, что сейчас ему будет чуть-чуть больно, а затем напившаяся тварь отлетит в сторону и больше никогда к нему не пристанет и даст-таки наконец уснуть.

Самое интересное, что комар был один. Ведь по ходу дела в природе одним экземпляром ничто не обходится, обязательно где-то есть еще. Валетов наконец заставил себя не махать свободной, не прижатой телом к жидкому матрацу рукой и позволил над собой надругаться. Самое сложное — терпеть вначале, когда эта маленькая гадина села, начала, видимо, на ощупь, не чувствуя, перебирать своим хоботочком, для того чтобы найти местечко получше, и потом только полезла за кровью сквозь кожу.

Фрол даже сморщился, поскольку началось впрыскивание вещества, предотвращающего свертывание. Насосавшись по полной, тварь аккуратно вынула свой хоботок и отвалила. Валетов выдохнул с облегчением — наконец-то он уснет! И тут снова — зу-зу-зуу!

— Вампиры! Мать вашу! — далее последовала тихая матерщина, закончившаяся свистом тяжелого сибирского кулака по воздуху.

Растолкав спящих Резинкина и Простакова в стороны, Фрол перевернулся на другой бок и накрылся одеялом с головой, что уже не однажды предпринимал, но полностью закрыть лицо не удавалось, так как лично его одеяло было зажато телесами Простакова. И пока он его не двинул хорошенько, тот материал не освободил.

Наконец-то он накрыт с головою! А воздуха вполне достаточно. Фрол улыбнулся сладким мыслям и приготовился спать. И в тот момент, когда он уже видел, как к нему идет голая прекрасная девушка с распущенными русыми волосами, готовая ему отдаться прямо на пля-

же, в этот самый момент над ухом снова раздалось ненавистное зыканье. Причем комар находился не над одеялом, а под, то есть он успел попасть внутрь в тот самый момент, когда Фрол накидывал тряпицу на себя.

Кое-как помахав рукой и в надежде на то, что пришиб тварь, Фрол снова пошел навстречу голой девушке, но насекомое, как это следует из биологии, было также женского пола и требовало от него крови.

— У меня на всех не хватит, — бурчал Валетов.

И тут он получил в спину:

— Ты заткнешься или нет? — буркнул Простаков.

— Да пошли вы на хрен! — обиделся на всех дрыхнущих в палатке рядовой и, кое-как поднявшись вместе с одеялом, выбрался на свежий воздух.

Перед костром, обозначая дневального, сидел Саша Кислый. Молодой упитанный боец встретил появление противного Валетова с негативными эмоциями — он уже представлял себя бегающим, предположим, вокруг костра и изображавшим северного шамана опять для того, чтобы Лехе Простакову, который как раз с Севера, слаще спалось.

Но ничего такого не последовало. Отлив, Валетов подсел к костру и протянул к нему руки.

— Загрызли, гады, — пожаловался он. — Вот корешам моим, чего им не спать? Тот, который здоровый, он всю жизнь на природе, кулак себе под щеку положит и, как на подушке, будет почивать, понимаешь? Гены у него. А второй — Резина — это ж водила, это ж знать надо. Они вообще спят сидя. Вот ты, — Валетов ткнул Кислого в бок, — вот ты можешь, Кисляк, спать сидя?

— Могу, — пробормотал толстячок.

— Ну и дурак, — удар не заставил себя долго ждать. — А я не могу сидя спать, понимаешь? Я в городе вырос. Я хочу хорошую постель, подушку, набитую

пером, а не ватой, жрачку хочу в ресторане. Ты был, Кисляк, в ресторане?

— Был, — проныл Саша.

— Неужели? — Фрол глядел на пухленькое курносое лицо. — То-то я гляжу, ты раскормленный. А я сколько ни ел в ресторанах, мне так и не удалось поправиться, понимаешь? Тоже гены.

Дух молчал и лишний раз рот перед дедушкой не разевал.

— Ну чего ты? — обиделся Валетов. — Ты со мной беседуй. А то ночь идет, а я спать не могу. Ты чего-то должен делать для того, чтобы я наконец устал и пошел баиньки.

— А чего делать-то? — не понял Кислый.

— Ну как это чего? — Валетов огляделся. За слабо освещенным пятачком костра была сплошная темнота. — Вот ты анекдоты знаешь?

— Анекдоты, — провыл Кислый. — Огни.

— Это чего, анекдот?

— Да нет, огни!

Валетов повернул голову туда, куда показывал палец. В районе нефтяного озера на самом деле время от времени можно было наблюдать какие-то проблески. Похоже, кто-то в километре отсюда водил фонариком. Могло такое дело и казаться, но иного объяснения явно имевшему месту мерцанию у Валетова не нашлось. Затем засветились два глаза.

— Машины! — воскликнул Валетов. — Там какие-то козлы! Они что, решили искупаться? Нам потом еще с трупаками возиться! — Фрол даже вскочил с бревна, на котором сидел.

Фары еще раз сверкнули в темноте и исчезли.

— Ни фиги себе, — не понял Валетов. — Надо с ут-

ра глянуть, что за дело такое. Ты раньше не видел? Давно тут сидишь?

— Нет, только сейчас заметил. — Кислый поднялся следом за дедушкой.

Валетов чувствовал необычайное возбуждение и подсознательно понимал, что теперь уснуть ему не удастся до самого утра.

— Может, это диверсанты натовские! — вытаращил он глаза на Кислого. — Ты знаешь, для чего мы это озеро ликвидировать-то будем?

— Ну, знаю, — промямлил Саша.

— Ты понимаешь, что у нас тут политическое дело! Если эту грязь увидит НАТО, то лицо нашей Родины будет испачкано этими нефтяными отходами, и все журналы на Западе будут обсирать твою вотчину, товарищ солдат! Поэтому завтра готовься усиленно трудиться.

— А чего делать-то?

— Кислый, — не выдержал Валетов, — ты будешь делать то, что тебе велит твоя великая страна, а сейчас следи за порядком. И вот еще что!.. В течение получаса я слышу хлопки, а утром ты мне демонстрируешь сто трупов комаров, и это за то, что они надо мной сегодня глумились. У меня чешется щека, понимаешь? Меня укусили. За один укус рядового Валетова все духи во взводе будут набивать по сто комаров. Иначе несправедливо получается: из меня кровь высасывают, а я остаюсь неотомщенным.

Идея настолько понравилась Фролу, что он в благодушном расположении духа побрел в палатку. На ходу обернулся на сидящего около костра рядового и крикнул:

— Хлопков не слышу!

Войдя в полную темень, он попытался на ощупь найти место для того, чтобы лечь. В шестиместной палатке,

где, кроме Простакова, Резинкина и Валетова, обитали еще три дедушки, аккуратно всем улечься можно было только на одном боку. Поворот осуществлялся, как говорится, по команде. Для Валетова сейчас могло и вообще места не остаться, так как он мелкий, а люди во сне за просто сомкнули ряды.

Нащупав на расстоянии вытянутой руки деревянный лежак, на который были уложены матрацы, Валетов неожиданно для себя обнаружил, точнее, не обнаружил ни одной ноги. Так как он встал раком и наклонился к лежаку, более удобного момента для атаки придумать было невозможно — твердый удар сапогом в задницу заставил Фрола пролететь с метр и плюхнуться на вторую половину лежака. Валетов взвыл.

Дембель Петрушевский стоял и ржал вместе с остальными:

— Мелкий, ты заколебал возиться. — Валетову сделали показное внушение, и он был вынужден с этим смириться. Даже Простаков — скотина! — не спешил заступиться за него. Фрол, не успев лечь как следует, начал уворачиваться от падающих на него тел сослуживцев.

— Придавите! Придавите же, суки! — вертелся Валетов.

— Спать надо с вечера, комаров терпеть, не вздумай срать ночью и во сне пиздеть, — выдал скороговоркой частушку, Петрусь улегся последним, растолкав сослуживцев.

* * *

Утро Валетов встретил с опухшей от укусов рожей. Он после пинка под зад от дембеля уснул крепко-крепко и уже не чувствовал, как его кушают. Поглядев на остальных спящих рядом с ним, он, к своему сожалению,

не обнаружил ни одной точно такой же, как у него, истерзанной физиономии. Ну, были прыщички то тут, то там, и не более. А Простаков, скотина, в наглую смеялся:

— Поглядите на чудо! — Леха постарался привлечь внимание на рожу Валетова как можно большее число пацанов. — Вот образец сладкого российского солдата!

— Слушай, — Резинкин тоже не преминул связать, — какая у тебя группа крови?

Полевая кухня уже дымилась, навеяв мысли о скором завтраке. Приехавший вместе с бочкой на колесах повар в звании рядового крутился над своими котлами. Звали пехотинца Васей, а фамилия — Ленточкин.

Вася был дембелем, но из тех, что не слишком-то задаются сроком собственной службы, и спокойно переносил все тяготы кашеварства, тем более что к нему навечно был прикреплен один дух из числа химиков. И этим духом оказался не кто иной, как Ларев.

Простаков не стал оспаривать назначение лейтенанта, ведь плотный душара, вымахавший до ста восьмидесяти пяти сантиметров, ему очень нравился, и гулливер был не прочь самостоятельно загружать крепкого бойца, а теперь выходит, что он на месяц выпал из оборота и будет заниматься всякой херней: воду там носить, дрова колоть да посуду мыть, дабы во взводе весь личный состав был готов к тяготам службы.

Еще не высохли капли на тарелках после завтрака, а к нефтяному пруду уже подъехали три машины с желтым песком и вывалили в непосредственной близости от озера содержимое кузовов.

К десяти снова объявился Стойлохряков. На этот раз в кузове «ЗИЛа» химики обнаружили лопаты и ведра. Застроив личный состав, комбат указал на кучи:

— Засыпаем равномерно и хорошенько утаптываем. Каждый день сюда будет приходиться по три машины.

К вечеру все три кучи должны быть раскиданы. И таким образом день ото дня все ударно трудятся, и через четыре недели мы превращаем гадюшник в цветущий сад.

— Не по-человечески это, — не выдержал Валетов, глядя на огромные кучи.

Стойлохряков, как и любой командир, ненавидел, когда ему пытаются что-то рассказать про жизнь.

— Лейтенант, проследите за тем, чтобы рядовой перетаскил лично сто ведер песка на другую сторону пруда. Завтра туда подъедут машины, но кучку из ста ведер я наблюдаю сегодня к вечеру. Приезжать буду каждый день. Расслабиться никому не дам.

Мудрецкий решил переспросить:

— Что, людям на самом деле работать в противоггах?

— Как хотите, — пожал плечами подполковник, — средствами защиты я вас обеспечил, а остальное, лейтенант, вам решать здесь, на месте. Как хотите, так и делайте. Если ветер сильный, думаю, можно ничего на рожу и не натягивать. А завалится личный состав в госпиталь, спрошу только с вас.

* * *

Вечером Валетов уже не замечал ни комаров, ни мух, ни каких-либо других насекомых — он свалился после ужина прямо около костра и отключился.

Проснулся через час. Солнышко уже клонилось к закату, вот-вот стемнеет. Простаков, Резинкин и Петрусь машут в воздухе руками, бросая карты — бьются парни «дурака». Почесавшись, Валетов подсел четвертым.

— Народ, я вчера ночью поссать выходил...

— А мы все знаем, — Резинкин бросил пикового туза на десятку.

— Так я что сказать хочу, там ночью у костра дневальный сидел. Кислый. Так вот мы с ним видели у озера огни.

Троица перестала играть.

— Какие огни? — не понял Петрусь. — Чертей, что ли, ты видел?

— Говорю вам, что к озеру кто-то ночью приезжал. Машина была легковая. Я рассмотрел. Сто пудов!

— А хер с ними, — обыденно бросил Леха, и игра возобновилась.

Обиженный столь пренебрежительным отношением к себе со стороны товарищей, Валетов пошел и снова завалился дрыхнуть в ночь. Он даже не проснулся, когда с двух сторон от него начали падать на матрацы уставшие за день туши. Правда, в самой крайней из пяти палаток никто особо сильно не надрывался. Для проведения тяжелых работ существовали бойцы более позднего призыва, а обитатели крайней палатки только наблюдали за тем, как проходили работы, не забывая отвести застоявшемуся бойцу крепкого пенделя.

На дедов с дембелями никто особо не прыгал, так как у них имелось оружие массового поражения в виде Лехи Простакова. За это Леху любили, но только те, с кем он был близок. А остальные если и не ненавидели гиганта, то и не проявляли к нему никаких сыновних чувств, как должны были бы, исходя из ситуации. Ведь он как бы отец их родной, много прослуживший старый солдат, а эти граждане недавно прибыли, и ничего страшного, если они целый день носят ведра с песочком и будут потихонечку засыпать пруд, образовавшийся в результате большой любви к природе со стороны авиаторов.

Наступила темная ночь. Валетов заставил сам себя проснуться в три часа, для того чтобы доказать этим смеющимся над ним уродам собственную правоту. Он вышел из палатки. Перед костром теперь сидел

вместо Кислого здоровенький Ларев. Валетов, не сядь перед костром и отмахиваясь машинально рукой от комаров, осведомился насчет возможных огней в районе озера.

Дух ничего не видел. У Фрола как-то защемило под ложечкой — неужели он зря проснулся? Ну ладно, посидит часок, покараулит. Может, все-таки объявится вновь машина. Он даже ушел от костра для того, чтобы глаза лучше реагировали на возможное мерцание из темноты.

Походив вокруг да около, побросав недолгие взгляды в сторону нефтяной лужи, Фрол вновь вернулся к Лареву. У костра не так кусали, а отойдешь немного, сразу накидываются жрать, гады! Комарье было настолько свирепым, что казалось, будто они свои личинки откладывают не в лужи, а непосредственно в этот говенный пруд, где затем в процессе развития мутируют и впрыскивают в человечков столько яду, что укусы зудят не один час. Отвратительное дело.

Вдруг Ларев резко вскочил и вытянул руку вперед.

— Вон! — шепотом крикнул он.

Фрол обернулся и обрадовался тому, что на самом деле что-то там мерцает. Не рискнув в одиночку выяснять, что там за уроды лазят, Валетов ринулся в палатку и стал трясти Простакова.

Лехе снилось, как это и водится, море водки, пива таз и о дембеле указ, а тут какой-то мелкий чуть ли не по спине у него скачет. Гулливер подорвался и вынес Валетова на улицу, где и поставил на ноги.

— Чего тебе надо?! — редела полусонная гора.

— Я тебе говорил, лазят там!

— Да ну и хер с ними, это твое, что ли? Пусть хоть улазятся.

— Так, может, они песок воруют?

— Да пусть хоть уворуются! — Леха оттолкнул Вале-

това и побрел было снова спать, но Фрол вскочил и повис у него на шее.

— Пойдем поглядим! — шептал он ему на ухо. — Давай не будем никого будить, пойдем поглядим!

Леха понял, что от мелкого сегодня ему не отвязаться, стряхнул «пиявку» на землю и покорно склонил голову.

— Ну, пошли, — промычал он, убивая на щеке Валетова комара. При этом Фролкина башка загудела, словно колокол, и только спустя пару секунд мозги синхронизировались с глазами.

Резинкин выполз на шум.

— Вы чего, козлы! — пропел он.

— Сам молчи, козел, целый день в машине дрыхнешь! — огрызнулся Леха. — Я себе уже всю ногу отбил пинки отвешивать, а ты даже такой херней не занимаешься, как стимулированием народа на работы.

— Да ладно, чего ты, — Резинкин подошел к костру, взял головешку и закурил. — Чего такое-то?

— Да вон, глянь, — не унимался Валетов.

В ночи сверкали огонечки.

— Машина, — определил Резинкин.

— Шерлок Холмс, — похвалил его Валетов. — Ну так что, двинули?

Трое скрылись в темноте. Ларев не мог ничего им возразить, но про себя подумал, что деды ненормальные, так как ночь солдату дана не для того, чтобы разгуливать.

Вот он бы сейчас с превеликим удовольствием не изображал бы тут дневального, а дрых без задних ног, и то спасибо товарищу лейтенанту, что разрешил не в полной темноте сидеть в засаде и ждать неприятеля, а костерок развести и около него греться — ночью все равно зябко, хоть и лето.

Трое быстро приближались к нефтяной луже. Вначале изредка переговаривались, потом Простаков ве-

лел всем заткнуться. Подошли, наверное, метров на тридцать. По фарам, горящим в темноте, Резинкин спокойно определил, что перед ними не что иное, как четверта восьмой «Москвич» — раритет тот еще.

По доскам гулко стучали сапоги одинокого мужичка. Очертания фигуры не выдавали в ночном посетителе гиганта, что очень хорошо действовало на нервную систему Валетова, который по натуре был трусоват, даже в те минуты, когда рядом с ним находился здоровяк Леха. Мужик в гордом одиночестве носил от нефтяного озера по два полных ведра маслянистой жижи и сливал их куда-то в багажник, видимо, в заготовленную емкость.

Когда он проходил к машине, бойцы смогли разглядеть, что лицо мужика обрамляет густая седая борода и над глазами нависают мохнатые брови.

— Вон какой древний, — не выдержал Валетов, но тут же огромная рука закрыла ему рот.

Мужик, топая сапогами по доскам, возвращался с очередной порцией жижи, когда перед ним на настиле появился Простаков, поднял руки вверх и заорал:

— А-а-а-а!!!

Дед выронил ведра, причем они перевернулись так неудачно, что облили ему старые ботинки, и вытарачил глаза.

— Что, страшно, дядя?

Тем временем Простаков развернулся, и теперь фары били ему в спину, немного света попадало и на физиономию деда.

— Здравствуйте, — промолвил старик. — Вы что, ребята, шутите?

— А чего ты тут лазишь? — шептал Простаков.

По доскам протюкал Валетов и, высунув голову из-за спин, пискнул:

— Привет! Дед, зачем тебе эта жижа?

Старик медленно подобрал емкости и теперь стоял с опущенными вдоль туловища руками, не делая попытки шагнуть с досок в сторону, так как в этом случае он по щиколотку бы ушел в жидкую, пропитавшуюся гюрючкой почву.

— Ребята, не надо, — отступал он обратно к озеру.

— Чего не надо? — наступал на него здоровый Леха.

Они так бы и шли, — один спиной, другой лицом, — если бы не добрались до края лужи.

— На фига тебе мазут?

Дед сжал ладони на груди.

— Ребята, не губите. Ну, у дедушки старая машина, она ведь на всем ездить может.

Резинкин также прошел по настилу и присоединился к честной компании. Теперь трое солдат стояли один за другим, и все пытались увидеть лицо дедульки, спрятавшееся за огромными бровями и бородищей. Только мясистый нос торчал.

— Ну не говорите властям, — жался дед. — Зачем вот вы озеро засыпаете, солдатики? Ведь не понимаете вы ничего.

Резинкин не выдержал:

— Не может машина ездить на этой фигне!

— Отойдите, пропустите меня. Я уеду, больше никогда здесь не появлюсь! Вот сейчас вот только досточки соберу — это мои досточки, я каждый раз с досточками приезжаю, чтоб не провалиться, — и уеду. Больше вы меня не увидите.

— Нет, старый, ты постой! Вот мы тебя к своему командиру отвеем, — Валетову нравилось, что старикан боится властей.

— Ты что, хочешь сказать, что твоя машина ездит на мазуте? — не унимался Резинкин. — Этого быть не может! Сюда что только не сливали. Всякого дерьма полно.